

Д.Ю. Бовыкин

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

ПЕРЕСМОТР ЗАКОНА ОБ ЭМИГРАНТАХ ПОСЛЕ ПЕРЕВОРОТА 9 ТЕРМИДОРА

Декреты об эмигрантах принимали и Учредительное, и Законодательное собрание, но они ставили своей целью не наказать французов, покинувших родину, а способствовать их возвращению обратно. Лишь Национальный Конвент начал принимать репрессивные законы и против самих эмигрантов, и против их родственников. Единый закон против эмигрантов был одобрен 28 марта 1793 года. Согласно ему, для вернувшихся на родину французов предусматривалось только одно наказание – смертная казнь. 17 фримера II года Республики (7 декабря 1793 г.) Конвент постановил накладывать секвестр на имущество родителей эмигрантов. После переворота 9 термидора II года Республики депутаты стали постепенно приходить к тому, что законодательство против эмигрантов и их родственников должно быть унифицировано и пересмотрено с учетом новых реалий. После долгих дискуссий новый декрет был принят 25 брюмера III года (15 ноября 1794 года). Его обсуждению и анализу посвящена данная статья. Автор приходит к выводу, что, несмотря на кардинальное изменение политики Конвента после 9 термидора, завершение Террора и пересмотр многих решений, принятых во времена диктатуры монтаньяров, депутаты отказались кардинальным образом менять законодательство против эмигрантов. Причиной того, что Конвент выступил против возвращения эмигрантов стало как нежелание лишиться части национальных имуществ, служивших обеспечением для ассигнатов, так и укорененность образа эмигранта как врага Республики в революционном дискурсе. Хотя Комитет по законодательству стремился облегчить судьбу если и не самих эмигрантов, то хотя бы их родственников, коллеги не пошли ему навстречу.

Ключевые слова: Франция, Французская революция, контрреволюция, Термидор, эмигранты, Национальный Конвент

Цитирование: *Бовыкин Д.Ю.* Пересмотр закона об эмигрантах после переворота 9 термидора. DOI 10.32608/0235-4349-2022-1-55-25-45 // Французский ежегодник 2022: Т. 55. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 25-45.

Поступила в редакцию: 29.04.2022

Принята к печати: 14.07.2022

Dmitry Bovykin

Moscow State University (Lomonosov)

**REVISION OF THE LAW ON EMIGRANTS
AFTER COUP D'ÉTAT OF THE 9TH THERMIDOR**

Decrees on emigrants were adopted by both the National Constituent and the Legislative Assembly, but they did not aim to punish the French who left their homeland, but to facilitate their return. Only the National Convention began to pass repressive laws both against the emigrants themselves and against their relatives. The general law against emigrants was approved on March 28, 1793, according to which the French who returned to their homeland provided for only one punishment – the death penalty. On Frimer 17, Year II of the Republic (December 7, 1793), the Convention also decreed that sequestration had to be imposed on the property of the parents of emigrants. After the *coup d'état* of the 9th Thermidor Year II of the Republic, the deputies began to gradually conclude that the legislation against emigrants and their relatives should be unified and revised considering new realities. After long discussions, a new decree was adopted on the 25th of Brumaire, Year III (November 15, 1794). This article is devoted to its discussion and analysis. The author concludes that, despite the fundamental changes in the policy of the Convention after the 9th Thermidor, the end of the Terror and the revision of many decisions taken during the dictatorship of the Montagnards, the deputies refused to radically change the legislation against emigrants. The reason that the Convention opposed the return of emigrants was both the unwillingness to lose part of the *biens nationaux* that served as security for assignats, and the image of an emigrant as an enemy of the Republic rooted in revolutionary discourse. Although the Committee on Legislation sought to alleviate the fate of, if not the emigrants themselves, then at least their relatives, other deputies did not agree with it.

Keywords: history, France, French Revolution, counterrevolution, Thermidor, emigrants, National Convention

Citation: Bovykin, D., (2022). Peresmotr zakona ob jemigrantah posle perevorota 9 termidora [Revision of the law on emigrants after coup d'état of the 9th thermidor]. DOI 10.32608/0235-4349-2022-1-55-25-45. *Annual of French Studies* 2022, vol. 55, p. 25-45.

«Эмиграция», «эмигрировать» – эти слова появились во французском языке и стали привычными¹ только в XVIII в., хотя и за десятилетия до Французской революции. Тогда их относили не только к тем, кто покидает страну, но и к уехавшим из своего прихода или провинции, и связано это было не в последнюю очередь с миграциями рабочей силы². Лишь выпущенное в конце Революции пятое издание «Словаря Французской академии» показывает, что к 1798 г. слово «эмигрировать» получило однозначное определение – «покинуть свою страну, чтобы обосноваться в другой»³. Впрочем, на тот момент производные от этого глагола в языке еще толком не устоялись, и термин «эмигрант» к началу Революции существовал в двух равноправных формах – «*émigrant*» и «*émigré*»⁴. Со временем же второй вариант стал вытеснять первый⁵.

При всей лексической нейтральности этого понятия сложно даже представить, какой накал страстей, какую ненависть вызывали эмигранты у приверженцев Революции, хотя лишь относительно небольшая часть уехавших из страны сражалась против них с оружием в руках. Отвращение вызывали не только сами эмигранты, но также их отцы, матери, жены, дети. В марте 1793 г. М. Робеспьер говорил с трибуны Конвента: «Нашим оружием должна стать справедливая жестокость... <...> Если вы отворите ворота Республики детям эмигрантов, <...> вы увидите, как сюда придут не их отцы, а дети восемнадцати лет отроду, воспитанные от начала и до конца на принципах аристократии, главной причины всех наших бед, полные мести и спеси»⁶. И столетие спустя республиканская историография все еще несла этот груз ненависти и презрения. Даже Э. Доде, автор классических трудов об эмиграции, прекрасно представлявший себе реальное положение вещей, осмелился в предисловии к одной из своих книг лишь робко заметить: «Не будем забывать, что хотя эмигранты были виновны, они не единственные, кто был виновен»⁷.

¹ Правда, в четвертом издании «Словаря Французской академии» (1762) этих слов еще нет.

² Brunot F. Histoire de la langue française des origines à 1900. P., 1930. Т. 6. Le XVIIIe siècle. 1re partie. P. 174.

³ Dictionnaire de l'Académie française. P., 1798. 5me éd. Vol. 1. P. 477.

⁴ Idem. Histoire de la langue française des origines à 1900. P., 1937. Т. 9. La Révolution et l'Empire. 2me partie. P. 838-839.

⁵ Dictionnaire historique de la langue française / Sous la dir. d'A. Rey. P., 2010.

⁶ Séance du 5 mars 1793 // Archives Parlementaires de 1787 à 1860. 1ère série. (далее – AP). P., 1901. Vol. 49. P. 629, 630.

⁷ Daudet E. Histoire de l'émigration pendant la Révolution française. P., 1904. Т. 1. P. VII.

С каждым годом антиэмигрантский дискурс лишь ужесточался. Хотя законодательство против эмигрантов принимали и Учредительное, и Законодательное собрание, оно имело принципиально иной характер, нежели декреты Конвента. В 1789–1792 гг. депутаты стремились не столько наказать французов, покинувших страну, сколько стимулировать их возвращение, пусть даже и репрессивными методами, включая конфискацию имущества тех, кто не вернется.

Все изменилось с началом работы Национального Конвента. С первых же заседаний он подошел к проблеме системно, уже в сентябре поручив Комитету по законодательству четко определить, кто же такой эмигрант. По предложению Комитета, одобренному впоследствии самим Конвентом, им стал считаться «любой, кто сбежал с родины вследствие трусости или измены». В случае сомнений доказывать, что человек не является эмигрантом, должен был он сам⁸. Эта попытка определиться с понятиями, хотя ее едва ли можно назвать корректной с юридической точки зрения, не удивительна, если вспомнить, что в свод законов, касавшихся эмигрантов и объединявший актуальное на тот момент законодательство всех трех Национальных собраний эпохи Революции, вошло 120 разнородных документов, принятых в разное время и по разным поводам⁹. Готовился и следующий том, но он так и не был издан¹⁰.

Радикальное изменение политики по отношению к эмигрантам произошло несколько позже, 23 октября 1792 г., когда был одобрен декрет, навсегда изгонявший эмигрантов с территории Франции и суливший смертную казнь тем, кто рискнет вернуться¹¹. В настоящее время он справедливо вписывается историками в «политику исключения», поскольку *de facto* отказывал покинувшим страну вправе считать себя частью французской нации¹².

⁸ Jourdan A. La Convention ou l'empire des lois. Le Comité de législation et la commission de classification des lois [Электронный ресурс] // La Révolution française. 2012. N 3. URL: <https://doi.org/10.4000/lrf.730>

⁹ Code des émigrés, condamnés et déportés, ou recueil des décrets rendus par les Assemblées Constituante, Législative et Conventionnelle concernant la poursuite et le jugement des émigrés, condamnés et déportés, le séquestre, la vente et l'administration de leurs biens. P., an II [1793].

¹⁰ Marlot S. Les lois révolutionnaires. La systématisation de la Terreur (1793–1794) [Электронный ресурс] // Jus politicum. Revue de droit politique. Juillet 2021. N 26. URL : <http://www.juspoliticum.com/article/Les-lois-revolutionnaires-La-systematisation-de-la-Terreur-1793-1794-1419.html>

¹¹ Duvergier J.B. Collection complète des lois, décrets, ordonnances, règlements, et avis du Conseil d'État ... de 1788 à 1824 inclusivement. P., 1825. Vol. 5. P. 36. Впрочем, следует заметить, что этот декрет начало обсуждать еще Законодательное собрание.

¹² См., например: Andlauer J. de. Penser la loi et en débattre sous la Convention : le travail du Comité de législation et la loi sur les émigrés du 28 mars 1793 // AHRF. 2019. N 2. P. 3.

Не удовлетворившись этим, Конвент поручил все тому же Комитету по законодательству разработать специальный закон, который объединит и заменит все принятые ранее декреты против эмигрантов. 23 февраля 1793 г. плод совместной работы четырех комитетов (по законодательству, финансам, дипломатического и по военным делам) Конвенту представил Ш.-Н. Оселен (Osselin) – депутат весьма умеренный, хотя и голосовавший за казнь короля. По иронии судьбы впоследствии он полюбит эмигрантку и, будучи членом Комитета общей безопасности, вызволит ее из тюрьмы, а также попытается спасти эмигранта, который укрывался у его брата. Он будет арестован и, после неудачной попытки покончить с собой в тюрьме, гильотинирован по приговору Революционного трибунала за месяц до Термидора¹³.

После долгих обсуждений закон против эмигрантов был одобрен 28 марта 1793 года¹⁴. Он состоял из восьмидесяти четырех статей. Ст. 1 гласила: «Эмигранты навечно изгоняются с территории Франции; с точки зрения закона (*civilement*) они считаются умершими; их имущество переходит к Республике». Это была не просто красивая и театральная фраза, каких немало произносилось в то время, а именно юридическая норма: к примеру, даже после того, как эмигрантам разрешили вернуться при Наполеоне, любой брак, зарегистрированный за границей после их «смерти», во Франции не признавался. Ст. 2 провозглашала, что любой эмигрант, осмелившийся приехать во Францию, подлежит смертной казни. Согласно ст. 6 эмигрантом считался любой, кто уехал за границу после 1 июля 1789 г. и не вернулся в установленные сроки, и даже тот, кто не может доказать, что он непрерывно проживал во Франции после 9 мая 1792 г. и не имел законных причин ее покинуть.

Закон этот, несомненно, заслуживает отдельного подробного анализа. Замечу лишь, что репрессиям в равной мере подвергались как те, кто выступал против конституционной монархии, так и те, кто не принял Республику, как офицеры армии Конде, так и ремесленники, покинувшие страну в поисках лучшей доли. Любая передача имущественных прав эмигрантов в пользу их родителей объявлялась недействительной (ст. 49). Родственники эмигрантов, сражавшихся против Республики, также подлежали наказанию, если они предоставляли тем какую-либо помощь (ст. 54).

¹³ *Kuscinski A.* Dictionnaire des conventionnels. Brueil-en-Vexin, 1973. P. 471.

¹⁴ *Duvergier J.B.* Op. cit. Vol. 5. P. 272-282.

Впоследствии репрессии против родственников эмигрантов только усиливались. 17 фримера II года Республики (7 декабря 1793 г.) Конвент постановил накладывать секвестр на имущество родителей эмигрантов. Если эмигрант был несовершеннолетним, то без всяких условий, а если совершеннолетним – то лишь в том случае, если родители не могли доказать, что всеми силами удерживали своего ребенка от эмиграции¹⁵. Как впоследствии, уже при Директории, скажет один из депутатов, «это было до такой степени сложно, или, вернее, до такой степени невозможно установить, что предпочитали этого и не делать»¹⁶.

Казалось бы, при Термидоре по мере того, как набирал обороты «выход из Террора», он должен был повлечь за собой изменение отношения к эмигрантам. Но ничего подобного. Был уже отменен декрет от 22 прериала, реорганизованы Революционный трибунал и система революционных комитетов, начали открываться двери тюрем, а в Конвенте по-прежнему докладывали о ходе реализации собственности эмигрантов¹⁷ и феноменально удачных продажах их земель¹⁸, а бывший дантонист Л. Луше (Louchet) клеймил с трибуны покинувших страну французов, их отцов и матерей и предлагал принять очередной декрет против них¹⁹.

Тем не менее, слово «эмигранты» все чаще звучало с трибун Конвента и Якобинского клуба. Депутатам то и дело приходилось рассматривать требования об исключении из списка эмигрантов, и решения по таким запросам нередко выносились положительные, что крайне нервировало тех, кого в новую эпоху стали называть «террористами». Так, 7 фрюктидора (24 августа) монтаньяр М.-С. Мор (Maure), которого Марат некогда назвал своим сыном²⁰, высказал протест против того, что из тюрем выпускают «бывших графов, герцогов и других дворян, а также родственников эмигрантов»²¹. 15 фрюктидора там же, в Обществе друзей равенства и свободы, парижский санкюлот М. Буэн (Boüin) осудил ос-

¹⁵ Ibid. Vol. 6. P., 1825. P. 407.

¹⁶ Цит. по: *Marion M.* Les parents d'émigrés pendant la Révolution // *Revue des questions historiques.* 1909. Т. 42. P. 161.

¹⁷ Séance 25 thermidor an II (12 août 1794) // Réimpression de l'ancien Moniteur (далее – Moniteur). P., 1841. Vol. 21. P. 479.

¹⁸ Доклады делались на регулярной основе. См., например: Séance 2 fructidor (19 août) // Ibid. P. 538-539.

¹⁹ Séance 2 fructidor (19 août) // Ibid. P. 531-534.

²⁰ *Kuscinski A.* Op. cit. P. 443

²¹ La Société des Jacobins. Recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris par F.-A. Aulard. P., 1897. Vol. 6. P. 372.

вобождение жен эмигрантов, которые якобы разделяют взгляды своих мужей²².

Но все же, несмотря на сопротивление якобинцев, Конвент постепенно пришел к тому, что обширное антиэмигрантское законодательство, как и другие декреты, связанные с Террором и политикой исключения, требует нового осмысления. И точно также, как и ряд других комитетов и комиссий Конвента после падения диктатуры монтаньяров стали проводить совершенно иную линию (порой даже при сохранении прежнего состава), так и Комиссия, ответственная за пересмотр законов против эмигрантов перестроила свою работу на новый лад. К началу осени она уже была готова предложить коллегам отредактированную версию декрета от 28 марта.

Поскольку размеры нового закона были столь же впечатляющими, что и старого, обсуждение растянулось на несколько недель. Планировалось, что декрет будут принимать частями, разбив на ряд более мелких: одни Конвент вотирует сразу, другие отошлет в Комиссию или в Комитет по законодательству для дальнейшей корректировки.

По непонятным причинам пресса уделяла этой дискуссии необычно мало внимания, *Moniteur* зачастую лишь упоминал о состоявшемся обсуждении очередной порции статей, другие газеты также были весьма лаконичны, так что составителям соответствующих томов «Парламентских архивов» нередко было не на что опереться. Тем не менее, ряд выводов о проделанной Комиссией работе и реакции на нее депутатов Национального Конвента сделать все же возможно.

Обсуждение началось 21 фрюктидора (7 сентября), когда с докладом от имени Комиссии перед Конвентом выступил монтаньяр Р. Эшассерью (Eschasseriaux). Если закон 1793 г. начинался с кар, которые Республика обрушивала на головы эмигрантов, то в новом варианте первые статьи были посвящены определению того, кто же такой эмигрант. Впрочем, оно не слишком отличалось от старого, разве что оказалось намного более лаконичным. Один из депутатов даже попытался придаться к тому, что закон не устанавливал, как именно нужно доказывать, что человек непрерывно проживал во Франции, однако монтаньяр Ж. Гарнье де Сент (Garnier de Saintes) сурово возразил, что «нет таких хитростей, ко-

²² Ibid. P. 405.

торые не использовали бы эмигранты, дабы <...> доказать, будто бы они жили на территории республики», и первые статьи были приняты.

В основном возражения депутатов провоцировали отдельные неудачные формулировки, вызванные желанием сделать декрет более компактным, умопостигаемым и реализуемым на практике (впрочем, то же самое можно сказать и о многих других законах времен Термидора). Так, к примеру, была отклонена статья, предписывавшая французам, имевшим легальные основания для пребывания за границей, перечисленные в декрете от 28 марта (т.е. отправившимся туда по торговым делам, для образования и т.д.), в течение двух декад вернуться во Францию и засвидетельствовать в комитетах бдительности или директории округа причины своего отсутствия. Докладчику резонно возразили, что из Индий порою полгода возвращаются, и статью отклонили.

Но существовали и принципиальные разногласия. В частности, отторжение вызвало предложение Комиссии включить в декрет статью, касающуюся уехавших до 1 июля 1789 г. и не воевавших против Республики с оружием в руках. Таких людей предлагалось не считать эмигрантами: хотя их имущество конфисковывалось, им самим разрешалось вернуться на родину после заключения мира. Ряд депутатов резко выступил против: «поскольку они не разделяли ни славу, ни опасности Революции, постольку они недостойны разделять и ее плоды», «тот, кто покинул родину, когда зазвонил колокол, и тот, кто узнал, находясь за границей, о том, что звонит колокол, и не воссоединился с братьями, чтобы разделить с ними беды, в равной мере виновны»²³.

26 фрюктидора (12 сентября) эти статьи, кроме тех положений, с которыми Конвент не согласился, были одобрены²⁴. Через два дня без обсуждения проголосовали за статьи, касавшиеся граждан, оказавшихся на завоеванных территориях²⁵, а 4 вандемьера (25 сентября) – за статьи о пособниках эмигрантов²⁶. 18 и 23 брюмера (8 и 13 ноября) депутаты подредактировали несколько принятых ранее статей о французах, оказавшихся за границей еще до начала Революции, согласившись не считать эмигрантами тех, кто уехал за границу не менее, чем за 10 лет до 1789 г., и тех жи-

²³ Moniteur. Vol. 21. P. 702-704.

²⁴ AP. P., 1993. Vol. 97. P. 118-119.

²⁵ Ibid. P. 169-170.

²⁶ AP. P., 1994. Vol. 98. P. 62.

телей присоединенных территорий, которые покинули их задолго до того²⁷.

Откликом на такое начало дискуссии стал памфлет депутата Конвента Г. М. Бореля²⁸. Его автор был одним из самых незаметных депутатов Болота, но все же, скорее, с правого фланга: в свое время он голосовал против казни короля, а в 1795 г. на него будут возлагать ответственность за убийство 97 «террористов» в Лионских тюрьмах, которое он не предотвратил. Основная идея памфлета этого «слабого и бесхарактерного человека²⁹», как описывает его А. Кучински, заключалась в том, что существующее законодательство не отличает эмигранта, покинувшего страну, чтобы сражаться против революции с оружием в руках, от гражданина, уехавшего по торговым или иным делам, причем зачастую еще до 14 июля. Предлагая разрешить невиновным вернуться, Борель обращал внимание читателя на то, что закон к ним несправедлив, а нация многое теряет в экономическом плане. Аргументы, которые приводил при этом депутат, весьма любопытны. Он утверждал, что «нет ни больших городов, ни богатых краев, откуда уезжали бы те, кто ведет торговлю за границей. <...> Эти торговцы-переселенцы уезжают с овернских гор, с Альп, других лишенных ресурсов регионов, это выходцы из самых бедных слоев своих краев». Иными словами, нет смысла конфисковывать их имущества во Франции, там особенно нечем поживиться, а вот если разрешить им вернуться, они привезли бы с собой все нажитое за границей.

В течение осени эмигранты по-прежнему оставались жупелом для депутатов, а обвинение в пособничестве эмигрантам и их родственникам по-прежнему использовалось для сведения счетов³⁰. Однако дискуссия продолжалась и постепенно стала распадаться на несколько отдельных тем. Сама логика предложенного декрета подразумевала, что, закрыв один сюжет, Комиссия будет переходить к другому, однако в реальности все вышло иначе. Поскольку депутаты то и дело отправляли отдельные статьи на доработку³¹,

²⁷ AP. P., 2000. Vol. 100. P. 553-554; Ibid. P., 2005. Vol. 101. P. 179-180.

²⁸ Borel H.-M. Observations sur le rapport fait au nom du comité chargé de la révision des loix, contre les émigrés. S.l., s.d.

²⁹ Kuscinski A. Op. cit. P. 73.

³⁰ См., например: Séance de la 1re sans-culottide de l'an II (17 septembre 1794) // Moniteur. Vol. 21. P. 783; Séance du 3 vendémiaire an III (24 septembre 1794) // Moniteur. P., 1862. Vol. 22. P. 64.

³¹ Что, разумеется, не означало, что другие статьи или правки в уже утвержденные тексты не принимались без обсуждения. См., например: AP. Vol. 101. P. 32-33.

обсуждение быстро приобрело хаотический характер, за которым сложно было уследить. Но в этом оказались и свои плюсы: часто Комиссии не удавалось продвинуться на одном направлении, но удавалось на другом, особенно если члены других комитетов поднимали в это время схожие проблемы.

Одним из наиболее обсуждаемых стал вопрос о том, кто же должен принимать окончательное решение о внесении в список эмигрантов и об исключении из него. Комиссия поставила его перед Конвентом 3 брюмера (24 октября). Закон от 28 марта 1793 г. возлагал эти функции на власти департаментов, дистриктов и муниципалитетов, а сводку составлял исполнительный совет, но в апреле 1794 г. он был распущен. Хотя, на первый взгляд, эти статьи будущего закона об эмигрантах были сугубо процедурными, за ними скрывалась более чем насущная проблема: кто и каким образом может добиться исключения из списка. Практически без дискуссий Конвент постановил, что окончательное решение отныне остается за Комитетом по законодательству. Единственное, что вызвало споры: части депутатов не понравилось, что те, кто еще не представил необходимых доказательств пребывания на территории Франции, имеют право в течение четырех декад это сделать. Впрочем, за докладчика вступился Тальен, заявивший: «Существует более 10 000 отцов семейства, чья собственность была секвестрирована из-за того, что их дети – эмигранты, хотя дети их сражаются на границах»³², и спорные статьи были одобрены. А через пару дней Конвент позволил временно снимать секвестр с земель тех, кто получил решение об исключении из списка эмигрантов от администрации департамента, но оно еще не было одобрено Комитетом по законодательству³³.

Для понимания ситуации, в которой оказался Национальный Конвент, необходимо осознавать, что, хотя формально законодательство против эмигрантов никто не отменял, а редактирование его шло весьма неспешно, депутатам то и дело напоминали, что проблема эмигрантов, столь «простая» и «ясная» во времена диктатуры монтаньяров, имеет бесчисленное множество нюансов, и решать ее хорошо бы радикально. К примеру, 4 брюмера в Конвенте было оглашено письмо депутата Ж. Б. Лакоста в Комитет общественного спасения, отправленное из Валансьена, захвачен-

³² AP. Vol. 100. P. 70-72.

³³ Duvergier J.B. Op. cit. P., 1825. Vol. 7. P. 378.

ного в конце августа 1794 г. республиканскими войсками. Вместе с Р. Дюко он, в частности, должен был организовать судебные процессы над всеми, кого сочли контрреволюционерами. Лакост докладывал Комитету, что разделил всех обвиняемых на шесть категорий, но в отдельную группу выделил «всех, кто, будучи лишен состояния, влекомый страхом, невежеством или же вероломством, покинул свои очаги, чтобы укрыться с женами и детьми в краю, оккупированном врагом, и вследствие этого без сомнения виновен в том, что эмигрировал. Несмотря на это, французская порядочность, человечность и справедливость Конвента, вернувшего себе величие, позволят помиловать этих несчастных жертв невежества, страха и заблуждений»³⁴. Любопытно, что никакой дискуссии столь дерзкое заявление не вызвало: депутаты лишь проголосовали за то, чтобы отправить его в три комитета. Впрочем, Лакосту все это припомнили после Прериальского восстания, и он просидел в тюрьме до конца работы Конвента.

Другой вопрос, который предлагалось обсудить Конвенту, – это наказание как самих эмигрантов, так и их пособников. Эти статьи были вынесены Эшасерью на обсуждение коллег 16 брюмера (6 ноября) и отличались от аналогичных статей закона от 28 марта 1793 г. лишь в нюансах. Так, по-прежнему провозглашалось, что «эмигранты навечно изгоняются с французской территории, а их имущества отходят к Республике», но исчезло упоминание о том, что, с точки зрения закона, они должны считаться умершими. Эшасерью также поднял вопрос о том, что ответственность различных категорий пособников эмигрантов должна быть разной: одно дело те, кто «принимает активное участие в заговорах эмигрантов, оказывает им помощь, подталкивает граждан к тому, чтобы присоединиться к этим вероломным и коварным врагам Республики» и совсем другое – те, кто «имеет намерение избавить их от наказания», то есть укрывает их или помогает им вернуться³⁵. Убедить коллег с первого раза докладчику не удалось, пришлось вернуться к этому же вопросу через несколько дней, 19 брюмера. Лишь на сей раз депутаты пошли навстречу Комиссии и заодно постановили, что малолетние дети эмигрантов, вернувшиеся на территорию Республики, должны быть высланы за границу, но не казнены, как следовало поступать с теми, кому уже исполнилось 16 лет³⁶. В ито-

³⁴ AP. Vol. 100. P. 75.

³⁵ Ibid. P. 473-475.

³⁶ Moniteur. Vol. 22. P. 472.

ге статьи о пособниках эмигрантов стали существенно более лаконичными и несколько более нюансированными.

Однако наибольшее количество споров вызвал вопрос о родственниках эмигрантов. Проблема была весьма непростой, поскольку касалась людей, наказываемых за преступление, которое они не совершали или, вернее, совершили не они. Один из историков эмиграции некогда тонко заметил по этому поводу: «К сообщникам эмигрантов неминуемо относились так же, как и к самим эмигрантам, а родители эмигрантов *a priori* считались их сообщниками. <...> Это сообщничество оказалось роковым. Родители эмигрантов естественным образом стали объектом подозрений со стороны революционеров и даже, в глазах многих, более виновными и более опасными, нежели их дети. Сколько раз в долгих дискуссиях вокруг принятия законов о родителях эмигрантов отмечалось, что, если сравнивать эмигрантов, сражавшихся открыто, и их родственников, оставшихся во Франции, чтобы сохранить им имущество, подпитывать их мятежи, давать им ценные советы и готовить их возвращение, то более опасны вторые!»³⁷

Декрет об отцах и матерях эмигрантов Эшассерью предложил Конвенту 6 вандемьера III года (27 сентября). По неизвестным причинам его выступление в *Moniteur* лишь упоминается, а в «Парламентских архивах» не опубликованы ни его речь, ни предложенный им законопроект – только дискуссия³⁸. По ней можно догадаться, что декрет предусматривал некоторое облегчение участи родителей эмигрантов, но вызвал сильнейшее сопротивление. Один за другим депутаты клеймили «родственников наших самых непреклонных и опасных врагов» и провели принятие совершенно другого декрета – о том, что секвестр с собственности родителей эмигрантов снят не будет, а вместо этого государство будет выплачивать им деньги на пропитание.

Решение весьма любопытное с учетом того, что ранее законодательство уже предусматривало – сначала то, что родственники эмигрантов получают до четверти их собственности, которая обеспечит им пропитание (ст. 18 декрета от 30 марта³⁹ и ст. 18 декрета от 2 сентября⁴⁰ 1792 г.), затем – что взамен имущества, на которое наложен секвестр, им будет оказана помощь (ст. 7 части пятой за-

³⁷ Marion M. Op. cit. P. 155-156.

³⁸ AP. Vol. 98. P. 99-100.

³⁹ Duvergier J.B. Op. cit. P., 1824. Vol. 4. P. 111.

⁴⁰ Ibid. Vol. 4. P. 465.

кона от 25 июля 1793 г.⁴¹). Впрочем, эта норма явно не работала, поскольку в декрете от 13 сентября того же года обе эти статьи декретов Законодательного собрания отменялись, а взамен было обещано, что «Национальный Конвент незамедлительно выскажется по поводу судеб отцов и матерей, жен и детей эмигрантов, чья благонадежность установлена»⁴². Высказался он, впрочем, весьма своеобразно: по Закону о подозрительных от 17 сентября 1793 г. все родственники эмигрантов считались подозрительными, «если не могли доказать свою привязанность к Республике», а значит, подлежали тюремному заключению. Но и год спустя проект Комиссии поддержал лишь член Комитета по законодательству Ш.-Ф. Удо (Oudot), напомнивший, что были дворяне, которые хорошо послужили делу свободы, и что вообще-то Конвент поставил справедливость в порядок дня. Но услышан он не был, и в итоге проект отправили на доработку в Комитет по законодательству. Конвент вернется к этому сюжету 4 фримера (24 ноября), но опять не сможет принять никакого решения, лишь поручит Комитетам по финансам и по законодательству в течение декады представить доклад о помощи, которая оказывается отцам, матерям, женам и детям эмигрантов и приговоренных⁴³. Тем дело и кончилось.

16 вандемьера Эшассерью снова поднял тему родителей эмигрантов⁴⁴. На сей раз он решил напомнить коллегам о декрете от 17 фримера II года, исполнение которого вызывало большие затруднения. Любопытно, что докладчик не произнес ни слова о том, что декрет этот был принят в разгар диктатуры монтаньяров по предложению Ж. Кутона и Ж.Ж. Дантона, которые возмутились тем, что родители эмигрантов всего лишь считаются подозрительными, а их собственность не конфискуется. Тогда же было решено дать возможность родителям совершеннолетних эмигрантов доказать, что «они сделали все от них зависящее, дабы помешать эмиграции их детей»⁴⁵.

Теперь же Комиссия, ответственная за пересмотр законов против эмигрантов, решила привлечь внимание депутатов к тому, что не осталось никакого органа, которому можно было бы предъявить эти доказательства, тогда как количество жалоб граждан,

⁴¹ Ibid. Vol. 6. P. 57.

⁴² Ibid. P. 206.

⁴³ AP. Vol. 102. P. 142-143.

⁴⁴ Moniteur. Vol. 22. P. 179.

⁴⁵ Moniteur. Vol. 18. P., 1860. P. 616.

не покидавших территории Республики, но оказавшихся волею местных властей внесенными в списки эмигрантов, росло и росло, а вместе с тем росло и число их родственников, у которых отбирали все имущество. Складывалась удивительная ситуация: земли, на которые был наложен секвестр, зачастую не обрабатывались, а ни в чем не повинные собственники вынуждены были в бессилии смотреть, как их хозяйство приходит в упадок. Соответственно, Комиссия предложила избавить граждан от необходимости постоянно подтверждать, что они не покидали территорию страны. Однако и это предложение принято не было: депутаты стали спорить о том, нужно ли сделать исключение для родителей бывших дворян, чьи преступления «ужасны и непростительны», затем решили, что закон должен быть един для всех и отправили проект декрета в Комитет по законодательству⁴⁶.

Эти выступления Эшассерью также вызвали отклики в публицистике. В частности, в памфлете «Глас природы, человечности и справедливости» некто Арби (Harbey) постарался доказать, что, по сути, предложенные Комиссией декреты продолжали традиции революционного правительства, бывшего ничем иным как «упорядоченной тиранией». Арби не взывал к чувствам депутатов, он опирался лишь на букву закона и его дух. В частности, напоминал он, согласно ст. 34 Декларации прав человека и гражданина, принятой тем же самым Конвентом, «угнетение хотя бы одного члена общества – это угнетение всего общества», а именно это и предполагал декрет против родственников эмигрантов. Более того, согласно ст. 13 «каждый человек считается не виновным до тех пор, пока он не будет объявлен виновным», и этот принцип также оказывался попуран в новых законопроектах, равно как и принцип равенства перед законом.

Если же обратиться к более ранним временам, то в Конституции 1791 г. было записано право на свободу передвижения. Автор признавал, что на него покусилось Законодательное собрание уже осенью того же года, но первые декреты не предписывали императивно эмигрантам вернуться, а лишь призывали их это сделать, и, соответственно, те, кто покинул страну в 1789–1791 гг. в принципе не совершили, согласно законодательству того времени, никакого преступления. Да и сделали они это не от хорошей жизни, а лишь потому, что Учредительное собрание не способно было обеспечить

⁴⁶ Moniteur. Vol. 22. P. 180.

им безопасность. И дальше стало не лучше – Арби активно использует термидорианский дискурс, напоминая о «расстрелах, утоплениях, нантских республиканских свадьбах», «сотнях тысяч бастий» по всей стране и заставляя читателя задуматься о том, можно ли в такой ситуации винить французов, покинувших родину.

Интересно, что под пером Арби предложения Комиссии обращались продолжением политики монтаньяров, а сопротивление Конвента из нежелания пересматривать эмиграционное законодательство превращалось в отказ от поддержки «каннибалов, достойных продолжателей дела Робеспьера». И сложно, разумеется, сказать, была ли в этом особая хитрость автора, восхвалявшего депутатов Конвента и восклицавшего: «Варвары, приспешники Робеспьера... <...> Нет, Конвент не станет вашим сообщником!», или же он просто не понял сути дискуссии⁴⁷.

Впрочем, с собственностью эмигрантов и их родителей был связан отдельный клубок трудноразрешимых проблем. Еще при монтаньярах Конвент пытался урегулировать эти вопросы, но нюансы все множились и множились. К примеру, 5 брюмера (26 октября), депутатам была зачитана петиция, авторы которой жаловались, что зачастую невозможно установить, приобретает ли собственность у эмигранта или нет. В итоге многих граждан спустя полгода или год пользования имуществом заставляют его вернуть, поскольку администрация дистрикта или департамента опротестовывает сделки под тем предлогом, что прежние собственники, будучи эмигрантами, не имели права заключать договор купли-продажи. Сюрреализм ситуации заключался в том, что в этом случае покупателям приходилось всеми правдами и неправдами пытаться выправить свидетельство о благонадежности продавцам, чтобы доказать, что те не покидали территорию страны⁴⁸.

К середине осени дискуссии по новому варианту закона об эмигрантах были закончены. 25 брюмера (15 ноября) Национальный Конвент постановил объединить все уже принятые статьи в единый декрет⁴⁹, и он был опубликован.

Постатейное сравнение старого и нового декрета об эмигрантах наводит на мысль о том, что, хотя текст был существенно пе-

⁴⁷ *Harbey*. Le cri de la nature, de l'humanité et de la justice, ou Observations raisonnées sur le projet de décret proposé par le citoyen Échassériaux, relatif aux émigrés. P., s.d.

⁴⁸ AP. Vol. 100. P. 110.

⁴⁹ AP. Vol. 101. P. 239–249. Хотя отдельные уточнения к нему принимались и позднее. См., например: AP. Vol. 102. P. 382–383.

рекомпонован, сокращен, местами стал более юридически корректным, по сути, в нем изменилось очень мало. Волшебным образом вернулась статья⁵⁰, согласно которой ряд уехавших до 1 июля 1789 г. получал право вернуться после окончания военных действий. Добавился раздел, детально рассматривавший, в каком случае считается эмигрантом гражданин, проживавший на присоединенных к Франции территориях. Исчезли статьи, посвященные «гражданской смерти» эмигрантов, а также рассматривавшие отцов и матерей эмигрантов как их пособников. Почти полностью оказался исключен и весь экономический блок, касавшийся продаж земель эмигрантов, он превратился лишь в несколько тезисов, упомянутых в других главах. Он явно требовал отдельных размышлений и решений, некоторые из которых будут приняты уже в следующем году.

Лишь в двух разделах акценты оказались расставлены совершенно иначе. Первый касался сертификата о постоянном месте жительства (*certificat de résidence*), который доказывал, что человек не является эмигрантом. Его получение сильно упростилось: в качестве доказательства того, что гражданин не покидал страну, стали приниматься выданные муниципалитетами паспорта, а также подробно прописывалось, что делать тем, кто таким сертификатом не обзавелся и теперь считается эмигрантом, или же тем, кто по каким-то причинам не может явиться в родные края, чтобы доказать свою невиновность. Эти статьи явно были нацелены на разрешение многочисленных спорных вопросов, поскольку по логике предыдущего декрета эмигрантом могли легко объявить того, кто по любым причинам не появлялся в родных краях: на его собственность накладывался секвестр, родственники оставались без средств к существованию. Второй раздел, ставший существенно более подробным, описывал способы опротестовать внесение в список эмигрантов – по этому поводу Конвент также получал немало жалоб.

Таким образом, декрет об эмигрантах превратился в удивительное, почти уникальное исключение. К середине ноября 1794 г. Национальный Конвент решил перестроить всю структуру власти, положить конец политике Террора, распустить Парижскую Коммуну, даже закрыть Якобинский клуб. И при этом оставил почти неизменными репрессивные меры против эмигрантов и их род-

⁵⁰ От нее отказались в первом чтении и к ней не возвращались во втором.

ственников, не говоря уже о том, чтобы решить проблему раз и навсегда – хотя бы так, как это будет позднее сделано при Наполеоне. Как же это можно объяснить, особенно на фоне постоянных разговоров о необходимости достижения единства нации?

Прежде всего, проблема эмиграции существовала одновременно в нескольких плоскостях. В идеологическом плане эмигранты – это люди, которых на протяжении нескольких лет пропаганда представляла как коварных предателей, не только бросивших свою страну в тяжелую минуту, но и сражающихся против нее изнутри и вовне, пособников интервентов и тиранов, узколобых фанатиков, не способных смириться с произошедшими переменами. Картинка эта была бесконечно далека от реальности: лишь относительно небольшое число эмигрантов были идейными противниками Революции, и еще меньшее – готовы были с ней сражаться. Но существующий в массовом сознании образ мешал любому изменению политики Конвента в отношении людей, которых, получалось, по определению невозможно простить, и Конвент так и не сделал этого до последнего дня своей работы⁵¹.

В экономическом плане принять декрет о возвращении эмигрантов также казалось совершенно невозможным, поскольку это влекло за собой вопрос о возвращении им собственности, что означало, с одной стороны, необходимость решения вопроса о компенсациях, а с другой – отчуждение у государства значительной части национальных имуществ, в свою очередь, обеспечивавших ассигнаты. Это важнейшее обстоятельство практически не упоминалось в дискуссиях о статьях закона, но к нему возвращались вновь и вновь при обсуждении различных экономических вопросов.

В пространственном плане эмигранты, как, собственно, следовало из самого термина, находились вне страны, но они были и внутри, возвращаясь всеми правдами и неправдами и удержав их от этого, располагая технологиями XVIII в. было, разумеется, невозможно. Делали ли они это, чтобы бороться с Республикой, как утверждала официальная пропаганда? Несомненно. Но много ли было таких людей и составляли ли они большинство или хотя бы значительную часть вернувшихся, этого никто не знал. Более того, в стране оставались их родственники, которых законодательство эпохи монтаньяров, фактически, стремилось приравнять к

⁵¹ Подробнее см.: *Бовыкин Д.Ю.* «Здесь виновно все»: всеобщая амнистия как завершение революции // *Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время.* М., 2021. С. 356–375.

самим эмигрантам, наказать их юридически и экономически, однако очень сложно было доказать, в чем, собственно, заключалось их преступление. Отсюда такие экзотические формы снятия этой «вины», когда депутаты предлагали установить, пытался ли отец помешать эмиграции сына и достаточно ли родители эмигрантов привязаны к делу Республики (по умолчанию, разумеется, предполагалось, что не достаточно).

В практическом же плане к 1794 г. власти прекрасно понимали, что они в принципе не знают и физически не могут знать, является ли тот или иной человек эмигрантом. Составление и публикация списков, казавшиеся весьма разумной мерой, себя не оправдали. В списки эти, кроме настоящих эмигрантов, попадали и люди, переехавшие в другие города и департаменты, ушедшие в армию, а также те, на чью собственность претендовал кто-то из власть имущих на местном уровне. Появившиеся при Термидоре процедуры исключения из этих списков успокаивали совесть депутатов, но проблемы не решали.

Другая причина сложности этого вопроса: проблема отношения к эмигрантам не была порождением диктатуры монтаньяров. От того, что было или казалось связанным с Робеспьером и его, как тогда говорили, «охвостьем», Конвент рано или поздно отказывался. Здесь же традиция уходила во времена Учредительного собрания, она воспринималась, как один из краеугольных камней Революции⁵². Не случайно в Конституции III года появилась специальная ст. 373: «Французская нация заявляет, что она ни в коем случае не потерпит возвращения французов, покинувших их родину 15 июля 1789 года, кроме случаев, предусмотренных исключениями, содержащимися в законах об эмигрантах; и нация запрещает Законодательному корпусу принятие новых исключений по этому вопросу. Имущество эмигрантов безвозвратно переходит на благо Республики».

Наконец третья причина заключалась в том, что, хотя эпоха Термидора – это во многом победа практичности над идеологическими фантомами и четких юридических формулировок над намеренно расплывчатыми определениями, нередко встречавшимися в декретах при монтаньярах, проблема эмигрантов взрывала все законодательство, и на это можно было лишь закрывать глаза.

⁵² Хотя, безусловно, следует признать, что с Якобинским клубом депутатам это не мешало.

Все революционные конституции обещали равенство перед законом, равный доступ ко всем общественным должностям, гарантию прав собственности, право избирать и быть избранным, презумпцию невиновности, а Конституция 1791 г. еще и свободу передвижения. Но все эти гарантии и нормы мгновенно переставали приниматься в расчет, как только речь заходила об эмигрантах и их родственниках.

В результате, как мы видели, дискуссии об эмигрантах были в высшей степени не линейны. Это также весьма характерно для Термидора, когда законодатели не имели заранее продуманного плана действий и не знали, как далеко готовы зайти, обсуждая и осуждая ими же порожденную диктатуру. Одни вопросы решались быстро, к другим приходилось подступаться раз за разом, третьи и вовсе требовали частичной смены состава Национального Конвента. Но попытки изменить что-то в судьбах эмигрантов и их родственников встречали столь сильное и длительное сопротивление, и столь легко было, защищая их, самому попасть под подозрение, что нелинейность этих дискуссий была все рекорды.

Одним словом, хотя термидорианскому Конвенту удалось разобраться с множеством других проблем, радикального изменения отношения к эмигрантам так и не произошло. Казалось, все того требуют и сам дух эпохи, и стремление забыть и простить совершенные в годы Революции преступления, и амбиции ее окончить. Но так же, как Наполеон некогда назвал Третью коалицию союзом, сотканным из ненависти и золота⁵³, то же самое можно сказать и про отношение к проблеме эмиграции в годы Французской революции: ненависть и экономическая выгода так и не позволили решить ее.

REFERENCES

Бовыкин Д.Ю. «Здесь виновно все»: всеобщая амнистия как завершение революции // *Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время.* М., 2021. С. 356–375 [Bovykin D.Iu. «Zdes' vinovno vse»: vseobshchaia amnistiiia kak zavershenie revoliutsii // *Anatomiia vlasti: gosudari i poddannye v Evrope v Srednie veka i Novoe vremia.* М., 2021. S. 356–375].

Andlau J. de. Penser la loi et en débattre sous la Convention : le travail du Comité de législation et la loi sur les émigrés du 28 mars 1793 // *AHRF.* 2019. N 2.

⁵³ Correspondance de Napoléon Ier. P., 1862. Vol. 11. P. 319.

- Archives Parlementaires de 1787 à 1860. 1ère série. P : Paul Dupont, 1901. Vol. 49 ; Paris : CNRS éditions, 1993. Vol. 97; Paris : CNRS éditions, 1994. Vol. 98; Paris : CNRS éditions, 2000. Vol. 100; Paris : CNRS éditions, 2005. Vol. 101 ; Paris, 2012. Vol. 102.
- Borel H.-M.* Observations sur le rapport fait au nom du comité chargé de la révision des loix, contre les émigrés. S.l., s.d.
- Brunot F.* Histoire de la langue française des origines à 1900. Paris : Librairie Armand Colin, 1930. T. 6. Le XVIIIe siècle. 1re partie ; Paris, 1937. T. 9. La Révolution et l'Empire. 2me partie.
- Code des émigrés, condamnés et déportés, ou recueil des décrets rendus par les Assemblées Constituante, Législative et Conventionnelle concernant la poursuite et le jugement des émigrés, condamnés et déportés, le séquestre, la vente et l'administration de leurs biens. Paris, an II [1793].
- Correspondance de Napoléon Ier. Paris, 1862. Vol. 11.
- Daudet E.* Histoire de l'émigration pendant la Révolution française. Paris, 1904. T. 1.
- Dictionnaire de l'Académie française. Paris, 1798. 5me éd. Vol. 1.
- Dictionnaire historique de la langue française / Sous la dir. d'A. Rey. Paris, 2010.
- Duvergier J.B.* Collection complète des lois, décrets, ordonnances, règlements, et avis du Conseil d'État ... de 1788 à 1824 inclusivement. Paris : A. Guyot et Scribe, 1824. Vol. 4 ; Paris, 1825. Vol. 5, 6, 7.
- Harbey.* Le cri de la nature, de l'humanité et de la justice, ou Observations raisonnées sur le projet de décret proposé par le citoyen Échassériaux, relatif aux émigrés. P., s.d.
- Jourdan A.* La Convention ou l'empire des lois. Le Comité de législation et la commission de classification des lois // La Révolution française. 2012. № 3. URL: <https://doi.org/10.4000/lrf.730>
- Kuscinski A.* Dictionnaire des conventionnels. Brueil-en-Vexin, 1973.
- La Société des Jacobins. Recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris par F.-A. Aulard. Paris, 1897. Vol. 6.
- Marion M.* Les parents d'émigrés pendant la Révolution // Revue des questions historiques. 1909. T. 42.
- Marlot S.* Les lois révolutionnaires. La systématisation de la Terreur (1793–1794) [Электронный ресурс] // Jus politicum. Revue de droit politique. Juillet 2021. № 26. URL : <http://www.juspoliticum.com/article/Les-lois-revolutionnaires-La-systematisation-de-la-Terreur-1793-1794-1419.html>
- Réimpression de l'ancien Moniteur. Paris, 1841–1860. Vol. 18, 21, 22.

Бовыкин Дмитрий Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор кафедры новой и новейшей
истории исторического факультета
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова.
119192, Москва Ломоносовский
проспект, д. 27, корпус 4
E-mail: bovykin@hist.msu.ru

Dmitry Bovykin

Dr. Hab. (History), professor,
Department of Modern and
Contemporary History, Faculty of
History
Moscow State University
27-4, Lomonosovskiy prospect,
Moscow, Russian Federation
E-mail: bovykin@hist.msu.ru
ORCID : 0000-0001-9415-768X
ResearcherID : D-9259-2017